

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

АНДРЕЙ

СТАРОВОЙТОВ

ПРАЗДНИК

ПЬЯНМЕ

ЗЕ

18+

Андрей Старовойтов
Праздник в Пьянме

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Старовойтов А.

Праздник в Пьянме / А. Старовойтов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Это сборник историй о проблемах повседневной жизни современных людей. Городская суэта, заброшенная деревня, неустроенность в жизни, нищенские зарплаты и есть ли свет в конце условного тоннеля? Здесь и спившийся телеведущий, после смерти попадающий на небеса, и отчаявшийся тракторист, угодивший в ловушку бездонной навозной кучи, родители, совершенно не желающие понять своего ребенка, гомосексуалист в обличии дамского угодника, и многие, многие другие герои, выглянувшие из-за зашторенных окон соседских квартир. Объединяющей линией большинства собранных в сборник рассказов стало пьянство. Почти все персонажи, как произошедших в действительности, так и выдуманных событий, имеют за собой реальных прототипов!

Царь – Комбайн

Страхи детства... Помню, несколько лет тому назад в социальных сетях был популярен такой мемасик под названием "страх детства №...", на фоне картинки с изображением наиболее распространенных, чаще всего довольно забавных и милых вещей, которые, на полном серьезе, казались в далекие годы довольно пугающими. Ностальгия, легкие усмешки, утвердительное покачивание головой, мол: "Да, да, да, было такое!" вызывали подобные посты. Мило же: ребенок, словно древний человек, не обладая достаточными знаниями для понимания тех или иных процессов, объясняет для себя их происхождение высшими силами, магией, потусторонним вмешательством и прочими сказками. Со временем, набираясь знаний и опыта (при благоприятном стечении обстоятельств), дети вырастают и перестают опасаться, ныне ставших для них совершенно безобидными, страхов малых лет. Сейчас леденящие душу испуги прошлого – не что иное, как будничные незаметные шалости. Никто не обращает на них внимания. Страхи детства так и остаются страхами детства, проходят вместе с ним и, если всплывают, то только в виде, вышеупомянутой меланхолической улыбки на губах. В девяноста девяти и девяти десятых процента случаев это именно так. Но! Если бы не та самая несчастная одна сотая процента, которая переходит с тобой в мир взрослых и, ко всему прочему, умудряется сбыться, заставляя душу спрятаться в пятки, мурашки выступить на белой, как фарфор коже, а волоски на всех частях сформировавшегося тела, незаметно для окружающих, но весьма ощутимо для их обладателя, зашевелиться. Именно это и случилось со мной! Я – тот человек, притащивший свой самый большой ужас из детства во взрослую жизнь...

Комбайн... Он такой огромный! Ну, вернее, сейчас-то, когда я вырос до одного метра и девяноста сантиметров, стал весить под сотню, это чудо техники уже не производит на меня такого уж впечатления, как в детстве, но, все равно, когда вижу его, какой-то едва ощутимый холодок обязательно пробегает от лопаток до копчика... Будучи маленьким же и впервые увидев огромную машину для сбора урожая на прилегающем к нашей деревне поле, я был настолько сильно впечатлен ее размерами и напуган причудливой формы конструкцией, что на какое-то мгновение даже потерял дар речи. Просто стоял, как вкопанный, и смотрел, открыв рот, немигающими невинными детскими глазами на сию громадину снизу-вверх. Как сейчас помню: мы гуляли с сестрой... Лена была на семь лет старше меня – уже вполне себе таким смышленным подростком. Я же – от горшка два вершка, метр с кепкой в прыжке, лет пять мне было или шесть, ну, в общем, сопля зеленая, которая всегда увивалась за старшими, пытаюсь, со всей серьезностью, копировать их, казавшиеся такими взрослыми, подростковые повадки, которые они уже, в свою очередь, подсматривали у ребят постарше, те у взрослых и т.д. С Леной всегда были подруги, а меня родители давали им в нагрузку, чтобы успеть в наше отсутствие разобрать домашние дела, не отвлекаясь на, вечно жаждущего внимания, любознательного карапуза. Сестра, не сказать, чтобы уж очень горела желанием таскать за собой своего малолетнего братца, но деваться ей особенно было некуда. Родители ставили перед фактом! Поэтому, сестрица, дабы хоть как-то оправдаться в глазах компании своих сверстниц, не упускала возможности всячески надо мной подтрунивать. Иногда это было действительно забавно для всех, в другой же раз – для всех, кроме меня. Как и в этом случае, когда, в томных сумерках, уходящего на покой, жаркого летнего дня, мы забрели на это пшеничное поле и взору нашему предстал огромный, ржавый комбайн, брошенный там доживать свой век. Такой своеобразный арт-хаус. Здоровенная ржавая консервная банка посреди бескрайних колосющихся полей. Природа победила в борьбе с индустрией! Ни дать, ни взять!

И, вот, стою я, смотрю на этого гигантского облезлого, подбитого монстра, косящегося на меня одним оставшимся полувыбитым глазом. Сзади сломанное мотовило, спереди потрескавшийся, гнутый измельчитель соломы. И настолько это все ужасающе смотрится, что я стою и представляю – как он заводится, хоть в кабине нет никого – просто берет сам и заводится

без комбайнера – зачем он такому титану? Заводится, медленно трогается с места. Я, восторженно, начинаю убежать вслед за девочками, которые во главе с моей сестрой уже сильно впереди меня. Я бегу изо всех сил, но смертоносная бандурина не отстает, а наоборот приближается все и ближе, она уже почти касается своим забралом моих пяток и тут... Кто-то настойчиво трясет меня за плечо... Я прихожу в себя, словно просыпаюсь, хотя все происходит наяву. Это сестра, крепко схватив мое хилое детское тельце, приводит меня встряской в чувства.

– Эй, Малой, ты в порядке, – предавая смешливому голосу серьезности, спрашивает она меня.

Я, как замороженный, не отрывая взгляда от зерноуборочной машины, киваю головой, давая понять, что со мной все нормально.

Подруги Лены давятся от смеха, но, в то же время, по их лицам видно, что девочки немного испугались моей реакции и им не по себе.

Сестра же, прикладывая указательный палец к губам, приказывает остальным замолчать. Она дает понять спутницам, что такой момент нельзя упускать и надо бы выжать из него по максимуму веселья!

Лена опускается передо мной на корточки, смотрит прямо в глаза и проникновенным голосом спрашивает:

– Ты испугался комбайна, Антош?

Я киваю. Она продолжает:

– Да, он действительно страшный, Братишка. Посмотри на вот эту огромную ржавую железяку у него спереди! Видишь ее?

Я снова киваю головой. Сестра выдерживает многозначительную паузу и говорит:

– Ты видишь – какая она ржавая? А знаешь почему?

Ответить пока еще я не в силах, поэтому просто пожимаю плечами. Лена вздыхает:

– Это от крови, Брат!

Смотря на мое изумление и полезшие на лоб глаза, сестра, чтобы разыграть карту до конца, тут же развивает свою мысль:

– Да, да, да, Антон, комбайны часто убивают! То корова на поле пасется, он раз ее и перемолол! То курицы всякие забредают ненароком, птицы залетают к нему в молотилку... А, один раз, знаешь, что... – она перешла на шепот. Я стоял натянутый как струна и не смел пошевелиться, – Иногда комбайны давят людей. Стоит какому-нибудь колхознику или фермеру задремать на поле, будь уверен, что комбайн не оставит от него и мокрого места! Они умеют сами заводиться и выслеживать зазевавшихся жертв! Они умеют подкрадываться бесшумно, сами отключая звук своего двигателя...

Я начал всхлипывать, но на Лену, видимо, что-то снизошло, и она не унималась, хотя подругам явно было не до смеха, и они переминались с ноги на ногу, совсем не желая смотреть на истязание детской психики:

– Так вот, этот комбайн и заржавел, так как, наверно, очень много крови попало на его поверхность. Он перемалывал живые существа десятками и поэтому вышел из строя. А может кто-то все же победил его... Может кто-то вставил в его молотилку железные вилы или еще что-нибудь и его ножи затупились. Не знаю точно... Зато другое знаю на сто процентов! Хочешь скажу? – она продолжала смотреть мне в глаза. Я ничего не ответил, даже жестами, так как от страха уже не мог пошевелиться, – Существует комбайн, который нельзя победить! Он называется Царь – Комбайн! Он огромный! Кабина его достает до неба, а молотилка (она называлась измельчитель соломы молотилкой) – она, она... Ее концов не видно ни слева, ни справа, она до горизонта, а может и с одного конца Земли до другого, этого никто не знает. В высоту она как четыре двенадцатиэтажных дома, где мы живем, в городе. Когда Царь – Комбайн пойдет, он будет уничтожать все на своем пути, перемалывать деревья, скот, здания... Он будет втягивать в себя реки, моря и океаны, осушая их! Он превратит в кровавое месиво всех людей:

старых и молодых, больных и здоровых, мужчин, женщин, и детей! Всех! Все будут пытаться убежать от него, и у кого-то даже будет получаться поверить в то, что ему это удастся, но Комбайн настигнет всех! Иногда он будет прибавлять скорость, иногда снижать, иногда, вроде как, вообще будет останавливаться, но это все ради собственной потехи! Он не оставит в живых никого и ничего, всех разотрет в порошок, как бы быстро ты ни бежал, ехал на велосипеде или машине... Тебе будет казаться, что он едет совсем медленно, но Царь – Комбайн все равно догонит тебя и, чем ближе к тебе, Антон, он будет приближаться, тем выше будет его скорость! По крайней мере, тебе так будет казаться...

Я уже не слышал, как подруги сестры, крутя пальцами у висков, кричали на Лену, что она сошла с ума, и они сами чуть не попадали в обморок со страху и, что с братом так нельзя. Я просто бежал! Ноги были ватные и не слушались хозяина, но мозг дал им четкое указание не останавливаться, несмотря ни на что. И я бежал! Не видя абсолютно ничего перед глазами. Я бежал и рыдал навзрыд! С поля я вбежал напрямик в деревню, не обращая внимания на колючки, крапиву и камни, я пробирался к дому. К маме! Мне мерещился сзади этот чертов комбайн, из труб и клапанов которого валил чадящий черный дым, а из огромной молотилки, перепачканной кровью, торчали отрубленные конечности животных и людей. Я ревел, трясся, и был уже почти возле калитки, когда кто-то схватил меня сзади за оба плеча и, остановив, резко повернул на сто восемьдесят градусов. Я сфокусировал взгляд, быстро вытерев глаза грязными ладонями. Это была Лена. Запыхавшаяся, испуганная, она обняла меня и прижала к себе. Ее сердце билось очень часто, видно бежал я, действительно, быстро, так, что она едва смогла угнаться за мной. Лена испуганно прошептала мне на ухо:

– Антошка, извини меня, пожалуйста, Братик! Я больше так не буду, обещаю! Только, умоляю, не говори маме!

И я не сказал...

... Не сказал тогда, не сказал через год, два, десять лет, а потом и вовсе, вроде забыл про Царь – Комбайн. Какое-то время он мне даже не снился по нескольку месяцев, а то и по полгода. Я успокоился, закончил сад, школу, затем университет, нашел неплохую работу, а затем женился и завел детей, но почему-то, в минуты одиночества, иногда во сне или в самом неожиданном месте, я вспоминал гигантский комбайн, который перемалывает всех в молотильном барабане своими шнеками, и мне становилось страшно. Не так страшно, как в самый первый раз, когда я услышал про него, но, все равно, очень не по себе. И где-то в подсознании, даже в те моменты, когда я подолгу не вспоминал про Царь – Комбайн, все равно знал, что он, на самом деле, придет! И это было лишь вопросом времени. Царь – Комбайн никогда не оставит меня, он только затаился где-то, чтобы в один неожиданный момент выпустить пар из своих клапанов, взречь мощнейшим двигателем и медленно двинуться за мной, измельчая все и всех на пути, превращая в пыль... Он всегда жил где-то рядом со мной, то ли строился в подземной мастерской, то ли дожидался своего часа, чтобы спуститься на крыльях с небес... Я знал, что Царь – Комбайн не оставит меня в живых, чувствовал, что он знает то, что знаю я и всегда следит за мной своими огромными глазницами. Чем старше я становился, тем отчетливее понимал, что наша встреча неизбежна. Когда борода начала сесть, я уже был на сто процентов уверен в том, что Царь – Комбайн придет за мной. И он пришел...

... Увидев его, я не знал улыбаться мне или плакать. Я так долго его ждал и мы, наконец, встретились! И тут, точь-в-точь, как в том моменте из детства, когда сестра рассказывала мне страшилку про Царя – Комбайна, я врос ногами в землю и смотрел на него, потеряв дар речи. А он... Он был совсем таким же, как я его себе и представлял. Огромный! Его измельчитель был гигантским, совсем как предрекала сестра, от горизонта справа, до горизонта слева, концов видно не было, и только один Бог ведал, существуют ли они. Местами Царь – Комбайн блестел и сверкал, словно только сошел с конвейера машин-убийц, местами – был ржавым и потертым, в потеках красной жидкости, какой именно – и так понятно. Верх его кабины видно

не было, так как он заканчивался за облаками, и, опять-таки, заканчивался ли – тоже вопрос, никто же его не видел! Я не знал, как выглядит Царь – Комбайн сзади и существует ли этот зад вообще, но почему-то мне казалось, что за ним просто нет ничего... Вселенский вакуум... Каверна... А, если по-нашему, то пыль и пустота. Не было жизни позади Царя – Комбайна, а может и была, только другая, воскресающая из пепелища, я не знал. Я просто замороженно смотрел на кабину, где должен был находиться водитель этой громадины. Интересно он тоже гигантский, как и сам агрегат? Или его вовсе нет? Мне не удалось разглядеть и не довелось увидеть, так как в этот момент Царь – Комбайн пыхнул своими огромными трубами, включив оглушающий двигатель, и медленно поехал на меня. Я сперва даже не понял, что он двигается, таким неспешным был его ход, но заметив, как под ним исчез, словно букашка, старинный высоченный тополь, я понял, что пора бежать. Хотя сестра рассказывала, что убежать от него бесполезно. Это все равно, что пытаться обхитрить саму природу, но что мне ее слова?! В конце концов, ее история – не что иное, как детская "бабаска", произведшая впечатление на неокрепшую детскую психику, а сейчас я вижу Царь – Комбайн наяву, и я отнюдь не ребенок, да и происходящее – явно не плод чужой фантазии. Я развернулся и побежал! Не оборачиваясь... Почти не оборачиваясь... Иногда, я, все же, смотрел назад и видел, как бегут другие. А бежали все! Ровно все до единого. Дети – неспешно, веселясь, вприпрыжку. Взрослые трусцой, не забывая окликнуть детей, помочь старикам, таща в рюкзаках, сумках и чемоданах весь свой скарб. Кто-то заводил мотоцикл, кто-то ехал на автомобиле, другие пытались уплыть от Комбайна на яхте, иные улететь на самолете... Животные бежали бок о бок с людьми. Все пытались спастись от неизбежного. Хищники с травоядными, приматы с земноводными, бегемоты, змеи, слоны и дельфины, киты и лани, шуки и крокодилы, муравьи и гепарды... Все бежали, плыли, ползли и прыгали, стараясь удрать от Комбайна, а он продолжал ехать, понемногу набирая скорость... Его забрало все больше окрашивалось в красный, зеленый, синий цвета. Это было завораживающе – красиво, но я понимал суть происхождения данной "радуги" и не спешил восторгаться, хотя во всей этой страшной красоте безудержно привлекало нечто неуловимо-неизбежное, природно-необратимое, величественно-неприкосновенное...

Обернувшись, я увидел, как комбайн раздавил детский сад, в который я ходил давным-давно, затем школу и еще несколько прилегающих зданий, через которые лежал мой путь к учебным заведениям. Кто это там бежит? Не может быть... Это же дедушка! Мой дедушка! Я ринулся назад, чтобы помочь этому гордому старому, родному мне человеку, но не успел развернуться, как дедушка пропал в молотилке комбайна. Мама, практически несшая его на руках, кинулась бежать от Комбайна, с трясущимися плечами, в слезах, она убегала прочь, подхватив убитую горем бабушку. Я хотел было броситься им на подмогу, но не смог, почему-то ноги не шли назад. Как я ни старался, ни кричал, даже пытался развернуть их руками, но не тут-то было. Что такое произошло? А думать было некогда. Люди гибли и укладывались внутри комбайна, словно скошенные ряды травы. Комбайн все более окрашивался во всевозможные цвета. Я понял: бежать можно только вперед! Единственное, что зависело от бегущего – лишь скорость этого бега!

Я пытался найти взглядом моих других бабушку и дедушку, но не видел их. Чуть позже пришло понимание, что они уже давно, наверно еще раньше остальных, оказались внутри Комбайна. Грусть и тоска, которые, как-то очень быстро, практически улетучились. Я обратил внимание на то, что стариков вообще уже практически нет среди спасающихся. И это было логично, пожилые не могли уже бежать от набиравшего обороты Комбайна так же быстро, как молодежь. Царь – Комбайн настигал их, перемалывал в пыль, оставляя, лишь, воспоминания и жалость в сердцах более молодых близких, у которых еще были силы бежать.

Ни одного соседа из моей деревни я не видел – все были там, внутри Комбайна, бабушки с лавочек у подъезда дома моего детства – эти наверно погибли самыми первыми, школьные учителя, алкоголики со двора, тети с маминой работы, какие-то случайные лица, всплывавшие

в памяти, всех их я уже не видел и не увижу – шнеки комбайна размазали их по металлу, выплюнув пылью позади. Вот и дом детства, и дача уничтожены злобной машиной. Комбайн догнал бабушку... Мама в слезах уже не ринулась так быстро, как в случае с дедом, а лишь потихоньку засемила прочь от машины-убийцы. Я не мог сдержать слез, душа рвалась на части, но я не мог ей помочь, не мог развернуться, чтобы протянуть ей руку помощи. Да и не знаю – приняла бы она, привыкшая только помогать сама и не умеющая принимать помощь... Вот под комбайном скрылся мой одноклассник – хороший друг, прекрасный парень, хоть и любивший крепко заложить за воротник. Затем другой и третий... А я все бегу! Я быстро бегу! Я еще потягаюсь с этим Комбайном!

Я видел, как некоторые смельчаки пытались сражаться с этой машиной, засовывали в него новейшие разработки – изделия из твердых металлов, кто-то пер с обычной лопатой против смертоносного монстра, но максимум что им удавалось – лишь на несколько мгновений продлить свои жизни. Царь – Комбайн остановить было нельзя!

Вот уже и взрослых-то, ровесников-одноклассников моих родителей, бегущих рядом, было практически не увидеть. Они повыбивались из сил, помогая нам – своим детям унести ноги. У многих получалось. Но у некоторых, дети, устав от бега, сдавались и попадали в жернова Комбайна раньше. Родители, чаще всего, сдавались вслед за ними, не найдя в себе ни сил, ни смысла продолжать бег...

Половина моего родного города уже была разрушена Комбайном! А он только начинал набирать обороты, мне же уже было тяжело бежать. Вот, моя мама, плетущаяся из последних сил позади, споткнулась обо что-то. Я стиснул зубы в бессильной злобе на природу, на этот долбаный Комбайн, на себя за то, что не могу ей помочь, да и на нее за то, что встает слишком медленно! Я потом пойму, что она не специально это делала, а просто уже не было совсем сил, но пойму слишком поздно... Слава Богу, встала, вот она ковыляет, раненая, хрупкая, но с такой железной силой воли, прочь от Комбайна. Стоп! Что она делает? Она пытается еще схватить меня, чтобы помочь мне спастись!

– Мама, ну ты чего? Мама, я уже взрослый, я сам тебе сейчас помогу!

– Да уж, какой там, Сынок... Мне без тебя и смысла нет... И Лены... Тебе нужно жить, тебе детей нужно вытащить из этой мясорубки..., – и падает. Видно сильно очень ногу отбила в первый раз, да и прошлые болячки душевные не дают встать уже. Комбайн...

Я реву, ору в голос и проклиная небеса, а все равно бегу по инерции... Следом, и отец под Комбайном пропадает. Но тут уже не так больно, словно сердце зарубцевалось, привык...

А все бегут и бегут. Уже дома раздавлены, леса, реки иссушены... Места из детства ни одного не осталось, все Царь – Комбайн перемолол. Вот и друзья мои все из сил выбились... Только одно за другим пятно кровавое на комбайне прибавляется. Но я их еще разглядеть могу, так как видел – где примерно соприкоснулись с железякой убийственной, а остальные не увидят даже, если присмотрятся. А никто и присматриваться не будет. Кому оно надо? Своих забот полно! Ноги бы унести!

Вот и я подустал что-то... Болит тело. Столько раз падал уже и поднимался! Бегу пока должен. Всю жизнь я, тебя, Царь – Комбайн ждал, потом бежал от тебя столько лет. Всех близких моих ты забрал почти, а как с тобой бороться, я так и не придумал. Лишь пока все они бежали от тебя, я как-то спокойнее был. Иногда даже друг друга пытались отстранить, лишь вперед убежать бы, подальше от дробилки твоей, но никто, по итогу, не ушел. Плохо без вас, Родные мои! С вами бежать легче было, увереннее...

Ох, устал я, не могу больше... И жена предо мной тоже вся, бедолага, из сил выбилась. Руки, как на последний бой поднимаю, толкаю в спины со всей мочи двух кровиночек своих. Так, что они пулей летят вперед, подальше от комбайна! Фух, хоть чем-то помог напоследок. Жена вслед за ними, хоть с трудом, но ковыляет, Моя хорошая. Терпела ведь меня всю жизнь... Уверен, что перед тем, как встать, их тоже толкнет, все силы вложит!

Остановился. В спины смотрю им, улыбаюсь с нежностью...

О, чудо! Ноги назад меня развернули! Лицом стою к Комбайну! Столько лет ждал Тебя, еще дольше бежал потом! Устал, не могу бежать больше! Болит все... Набегался...

Загораются фары ярчайшие, не весть откуда взявшиеся. Присматриваюсь, да и вроде не страшный он совсем, наоборот, посреди измельчителя лица знакомые – родные все, улыбаются...

Дружочек

Мы жили тогда в бабушкиной квартире. Сама бабушка недавно умерла. Мама, которая ее боготворила, не находила в себе сил смириться с кончиной самого близкого на всем белом свете человека и дневала-ночевала в опустевшей после смерти хозяйки квартире. Ну, а мне никак не удавалось свести дебет с кредитом. Точнее сказать: кредиты сильно превышали мои «дебеты» и денег даже на самую дешевую съемную жилплощадь у меня, ну просто, не было. Собственно, финансовая несостоятельность в данный момент и явилась главной причиной того, что, переступив через себя, а также засунув гордость туда, где ей положено быть у тридцатилетнего нищего, я пошел к маме просить пустить нас с женой и полугодовалой дочерью пожить некоторое время в бабушкиной квартире. Надо сказать, что предполагаемое соседство с нами ее не сильно обрадовало. Это моментально отразилось на усталом, заплаканном лице. Нечто вроде:

"Что? Куда? Дух бабушки еще здесь! Осквернить святое место криком вашей соплячки?"

Но вслух, видимо поразмыслив о перспективах дальнейшего пребывания в пустой квартире и невозможности ни с кем разделить грустных мыслях об ушедшей, мама ответила:

– Да, конечно, живите!

Нельзя сказать, что супругу мою, как собственно и мать, очень обрадовала эта перспектива, но все стороны понимали, что не от хорошей это жизни и надеялись, что данное соседство – явление, лишь, временное. В конце концов, погрузив свой нехитрый скарб в кузов арендованного грузового авто и отдав хозяйке съемной квартиры ключи вместе с долгом за последний месяц проживания, мы перебрались в двухкомнатную «сталинку» в центре города, где прошло детство с юностью моей матери.

Мама у меня, если можно так выразиться, человек специфический. Всю жизнь свою она работала и продолжает работать психотерапевтом. Пациенты готовы на руках ее носить, так как она ни разу за тридцать пять лет медицинской практики не осталась безучастна ни к одному из них, всегда выслушивала всех без разбору: и наркоманов с ломками – приходами, и бабушек с психосоматическими недугами. Не ранжируя людей, мама каждый раз пропускала через себя их жизненные передраги, и всем казалось, будто она страдает вместе с ними. А это и было не далеко от истины. Мама и в семье была всегда очень веселой, услужливой и внимательной. По крайней мере, раньше. С возрастом запас ее жизненных сил начал таять на глазах. Долгие годы соперничавший другим людям забрали слишком много энергии. Я все чаще наблюдал, как улыбка на ее лице превращается в какую-то неопределенную гримасу боли. Теперь после работы мама практически всегда сидела на стуле и смотрела новостные передачи. Со стороны могло показаться, что она пребывает в своих мыслях и не следит за происходящим на экране, если бы периодически она не покачивала возмущенно головой, со словами:

– Вот же сволочи, – или что-то в этом роде.

Хотя для посторонних мама и продолжала оставаться приветливой и дружелюбной (насколько это получалось в силу возраста и растроченных эмоций), супругу мою она сразу приняла в штюки. Вместе с тем, конечно же, ни разу впрямую о своей неприязни не заявила. Чем та ей не угодила, остается только гадать. Да и открытую конфронтацию мама с моей благоверной не вступала никогда, но практически в каждой фразе старалась ущипнуть сноху, скрывая негативный тон высказывания за улыбками и смешками. Таню мою это жутко раздражало,

но будучи по природе своей человеком мягким и неконфликтным, она чаще всего улыбалась в ответ и делала вид, что не поняла упрека или сарказма. Потом мне она, конечно, высказывала свое недовольство, но я утешал ее тем, что мама уже немолода и не так часто мы ее видим, чтобы принимать все слишком близко к сердцу. Долго Таня злиться не умела и, пофыркав еще чуть-чуть ради приличия, соглашалась со мной, а затем вовсе забывала о произошедшем, ровно до следующей их со свекровью встречи.

Танина патологическая отходчивость и неконфликтность играла с ней злую шутку не раз и я, к своему величайшему стыду, этими ее качествами пользовался сполна. Признаться честно, столько, сколько себя помню, люблю я «заложить за воротник». В школе выпивал немного, в институте побольше, ну а, получив диплом и устроившись на работу, стал кутить так, что работы эти менялись с пугающей периодичностью. Ну, не задерживалась душа вольная поэта на одном месте хотя бы год. Ну не желало стяжательское начальство терпеть постоянные неявки одного из заменимых кадров.

Хочу прояснить, что человек я – отнюдь не потерянный для общества. Почитываю Ирвина Шоу, Камю, Войновича; слушаю Babyshambles и The Pretty Recless, да и, как сказал поэт «...со встречным не даю сойтись я своему плечу». То бишь, предвосхищая начавший складываться в голове читателя образ забулдыги – дегенерата, спешу расстроить – совсем я не люмпен. Скорее наоборот. Но вот, выпить – посидеть, ну вот хоть ты тресни, а люблю отчаянно! Многие скажут: «Тоже мне проблема! Кто же этого не любит?» Согласен. Но это только поверхностная часть проблемы. Настоящая моя беда в том, что не могу и не умею я остановиться. Вот, казалось бы, попили – поговорили, разошлись и спать легли. Ни за что! Меня всегда несло дальше, пока не усну или не успокоят где-нибудь стражи правопорядка, либо же спонтанные собутыльники не усмирят ударом в челюсть. Одним днем никогда не ограничиваюсь, двумя тоже редко, тремя – чуть чаще, а вот четыре – пять – как раз мой формат. Сами представляете, что за эти дни я успеваю натворить, если мозг отключается окончательно где-то к обеду второго. Страшно самому. И окружающим меня людям, жене особенно, тоже страшно. Под алкоголем превращаюсь я в животное отвратительное, которое, вспоминая по утру, в похмелье, сквозь землю готов провалиться.

Друзья у меня такие же. Есть и низовые пьяницы, но это скорее не друзья, а так – запасной вариант на случай, если не с кем продолжить банкет. Их номера есть в записной книжке моего телефона, но пользуюсь я ими (по крайней мере, в последнее время), к радости своей, крайне редко. Те же товарищи, с кем часто имею честь я проводить выходные, как и я, любят поговорить о политике, обсудить новинки книжных магазинов и кинотеатров и... Так же, как я превращаются в озлобленное деревенское быдло после очередной выпитой бутылки. Один из них – мой самый главный и любимый друг Рома. С этим человеком мы учились в одном классе школы, затем не потеряли связи, когда поступили в ВУЗы разных городов и даже теперь, когда друг переехал в столицу и стал телеведущим на одном из кабельных каналов, мы не прекратили нашего общения. Собственно говоря, все наши пересечения протекают по следующему сценарию: мы встречаемся, берем несколько бутылок водки и, распивая их содержимое, беседуем на интересные нам обоим темы. Беседы эти заканчиваются примерно одновременно с опустошением первой полулитровой стеклянной тары. Рома впадает в какое-то нечеловеческое состояние, в котором даже пьяный я являюсь адекватнейшим из присутствующих.

Несмотря на то, что человек неоднократно спал у меня пьяным, его рвало на мою постель, он втирал в алкогольном угаре какую-то дичь моей маме, да и все кругом чаще всего видели его именно таким, нежели тем импозантным франтом, который ведет собственную передачу на телевидении, Рома полностью уверен в том, что окружающие без ума от его харизмы, и он может делать и говорить им все, что пожелает его душа, а те в ответ просто обязаны с благодарностью заглядывать ему в рот ради новой порции истины. Хоть я и люблю своего друга, но оглядываясь назад, совершенно четко осознаю, что наши с ним встречи никогда не приносили

мне абсолютно ничего хорошего. Я потерял нескольких спутниц жизни, с которыми находился на том момент в весьма серьезных отношениях, я ругался с мамой, я несколько раз был на грани смерти в результате суицида, меня едва не отчисляли из института и увольняли с работы. И это лишь малая толика последствий наших «невинных» посиделок за бутылочкой. Я много раз говорил Роме о том, что нам стоит прекратить, потому как следующий раз рискует стать последним для меня, на что он неизменно махал рукой со словами: «Мы же чисто символически!».

Когда мы с Таней поженились, я так бурно отмечал с другом это событие, что мы едва не развелись. Таня несколько раз старалась наложить табу на дружеские посиделки, но тщетно. Я всегда уговаривал ее отпустить меня «на пару часиков», а заканчивалось это только через несколько дней невыносимыми похмельными страданиями и требованиями развода от супруги. Я понимал, что она винит во всем Романа, но сам обвинял только себя. Действительно, ну не в рот же он мне спиртное вливает. Друг, надо сказать, реагировал на претензии с Таниной стороны точно так же, мол:

– Я твоего мужа на веревках не тянул и, если вовремя он останавливаться не умеет, это его проблемы, а не мои.

Хотя, когда его жена обвиняла в спаивании своей второй половины меня, он почему-то всегда молчал, не пытаясь возразить ей.

Потом у нас с женой родилась Валя. Наша маленькая девочка, которую я полюбил с первой встречи настолько, что уже и начал сомневаться жена ли мне дороже всех на свете. Потом я, конечно же, понял, что выбирать между ними это полнейшая глупость, так как у меня есть целых два человека, которых я безумно люблю. Не кого-то сильнее, а кого-то меньше. Просто люблю и все тут!

И все у нас шло так хорошо, что мы боялись сглазить. Я бросил не только пить, но и курить. Рома звонил несколько раз с предложениями встретиться, но я корректно отказывал ему. Друга это дико раздражало, он кричал в трубку, что я – подкаблучник и алкаш, пытающийся выставить себя тем, кем не являюсь. Добавлял, что удалит мой номер, если я не встречу с ним и завтра, а затем, в конце концов, видимо воплотил свои угрозы в жизнь, так как, вот уже несколько месяцев звонков от него не поступало.

И нам было так здорово. Я ощущал каждый миг этого счастья, на самом деле не понимал – зачем мне раньше были нужны эти пьяные посиделки в прокуренных кухнях, и корил себя за слезы жены в моменты моих загулов. Но, не может же все в нашей жизни быть идеально... В один прекрасный день меня сократили с работы. Другой во время кризиса я найти не мог, а на бирже труда, как я по старинке ее называл, платили сущие копейки. Это и привело к тому, что нам, скрипя сердцем, пришлось просить маму о переезде в бабушкину квартиру (в ее собственную, узнав, что мать живет у бабушки заехал мой брат со своей третьей женой и их тремя детьми).

И вот, перетаскав вещи и стоя у порога нашего нового жилья, я взял Таню за руку, посмотрел ей в глаза и произнес:

– Прости меня, Дорогая! Я понимаю, как тяжело тебе будет жить с моей мамой, но я обещаю тебе, что это только на время.

Жена улыбнулась и ответила таким любимым мной, таким искренним голосом:

– Родной, мне с тобой везде хорошо. Я все переживу, главное, чтобы ты был рядом...

Потом она вдруг стала очень серьезной:

– Ты понимаешь, главное, чтобы **ТЫ** был рядом, Лука! Не зверь в твоём теле и не твои друзья, а **ТЫ!** Больше я ничего не прошу, но, если этого не будет, не будет и нас!

Она, словно предчувствовала что-то. Как будто что-то тревожило ее душу, и она старалась донести это до меня. У меня пробежал холодок по спине. Я поспешил обнять ее и успокоить:

– Конечно, Милая, – прошептал я Тане на ухо, – Я всегда с вами, Мои девочки!

После этих слов мы поцеловались и, синхронно вздохнув, переступили порог бабушкиной квартиры.

С момента нашего заселения прошел месяц. Я, с удивлением, отметил, что мама вела себя не в пример себе же вежливо и приветливо по отношению ко всем нам. Видимо, ей просто надоело гнетущее одиночество и пустота квартиры, а с появлением здесь малышки комнаты вновь наполнились уютом. Я думаю, маме стало теперь легче переживать смерть бабушки. Занятий с Валею ей прибавилось. Она постоянно играла с внучкой и даже к Тане стала относиться без обычного негатива. Ситуация вокруг не могла не радовать, как меня, так и супругу, да и саму маму тоже.

И вот однажды мы гуляли с женой и дочкой по центру города и встретили Романа. Тот, на удивление тепло, поздоровался с нами и, уже уходя, предложил мне:

– Ты не хочешь завтра сходить со мной на могилу Миши?

Я начал соображать. Точно! Ведь завтра ровно два года, как погиб наш одноклассник! А я и забыл совсем!

Я вопросительно посмотрел на Таню. Наверно, она тоже только сейчас об этом вспомнила. Жена кивнула мне, мол: «Я не против».

– Да, Ром, давай сходим!

– Отлично!

Мы обговорили время и место встречи на завтрашний день, и мой друг продолжил путь в свою сторону, а мы с семьей двинулись гулять дальше.

– Ты знаешь, я думала, что он хуже выглядит сейчас, а вроде бы свежий такой.

– Согласен. И заметила, он не стал навязываться? Всего-то предложил сходить на могилу, а, если бы нас не встретил, просто один, наверно, сходил бы, – ответил я.

– Ну да. Лука, ты не обижайся, но я просто не могу не спросить: завтра все нормально будет?

Я притянул ее к себе и нежно поцеловал в лоб.

– Все будет хорошо, Малыш! Обещаю!

На следующий день мы встретились с Романом. За время, потраченное на дорогу до кладбища, мы обсудили все, что можно и нельзя. Нам было действительно очень интересно друг с другом. Друг был осведомлен о происходящих событиях не хуже меня, и мы практически договорились о плане выхода страны из кризиса, когда достигли пункта нашего назначения. На могиле нашего товарища, Рома предложил мне помянуть усопшего. Я немедленно отказался, но он уже достал из рюкзака бутылку конька (как я отметил про себя, уже початую) и полуторалитровую бутылку пива. Никаких стаканчиков с собой у Романа не было, но его не сильно смущал этот факт, так как он уже крепко припал губами к горлышку. Мы немного постояли, помолчали, затем мой друг вновь приложился к бутылке. Та пустела на глазах. После первых нескольких «тостов» Роман, с надеждой, протягивал тару мне, предлагая составить компанию, но потом, получив очередной вежливый отказ, бросил это занятие. К тому же, напиток в бутылке оставалось все меньше, а речь его становилась все менее внятной.

Когда мы шли назад, друг, прихлебывая пиво, пытался объяснить – насколько я не прав, что, хотя бы изредка не выпиваю с ним. Он говорил о том, что я просто обязан расслабляться (а других способов релаксации он просто не признавал), иначе просто сойду с ума и сопьюсь. В конечном итоге, все его измышления сошлись к довольно банальному – «не пьешь, значит не русский». Слава Богу, мы уже вышли с кладбища и подошли к перекрестку, на котором наши пути должны были разойтись в разные стороны. Друг предложил посидеть еще чуть-чуть, но я, предвкушая дальнейшие уговоры к продолжению банкета, вместе с тем, понимая, что конструктивной беседы не получится, объяснил, что спешу к семье и, пожав ему руку, отправился домой. Я действительно спешил к ним: к Танечке, к Валечке, даже к маме. Я уже

соскучился! Радости моей не было предела, когда я переступил порог бабушкиной квартиры и увидел всех своих домочадцев улыбающимися и веселыми...

Близился вечер того же дня. Мы с Таней смотрели телевизор. Мама возилась с внучкой на полу, когда у меня зазвонил мобильный телефон. Я прочитал высветившееся на экране имя «Роман» и выругался. «Сейчас снова начнет упрашивать выпить с ним, а потом орать, что я не достоин его дружбы». Тем не менее, не поднять трубку я не мог. Мало ли что может у человека случиться, а человек этот не был мне посторонним.

– Алло, – произнес я, как можно более приветливым голосом.

– Привет, Дружище, еще раз, – услышал я в ответ. По голосу Романа было понятно, что он сильно пьян, но очень старается скрыть это, – Чем занят?

Я никогда не знал, как отвечать на подобные вопросы. Они были вполне уместными в школе, в институте, да и позже, пока я не обзавелся женой и потомством. Теперь же, для меня ответ на этот вопрос был вполне очевиден, так как все свои вечера я проводил однотипно: с семьей и дома. Для меня казалось странным то, что остальные этого не понимают. Тем не менее, я, как ни в чем не бывало, ответил:

– Дома, Ром, с семьей. Скоро собираюсь укладывать дочь, и сами тоже будем ложиться спать.

– Не хочешь прогуляться? – как будто не слыша моих слов, спросил Роман.

Таня вопросительно смотрела на меня. Мама тоже притихла.

– Не, Ром, спасибо за предложение, но у меня дочка. Я буду купать ее, потом спать укладывать. Ну, куда я пойду?

Он молчал в трубку. Я не знал, что еще сказать, но как только собрался попрощаться, Роман вдруг заговорил:

– Семья, значит, да? – он икнул.

Я смутился. Вообще не люблю, когда трезвому приходится разговаривать с пьяными. Не умею я парировать дерзость в голосе и категорически отказывать, поэтому прокашлявшись, я, как бы извиняясь, ответил:

– Ну да. Сам понимаешь. Ведь у тебя же тоже семья...

И тут его словно прорвало:

– Да, Лука, семья! Чтоб ее семью эту! Она меня выгнала, а я и выпил-то чуть-чуть совсем. Ведь ты же сам видел?

По его голосу стало понятно, что он плачет. Он действительно плакал. Не плакал даже, а рыдал в трубку. Между тем, Роман продолжал:

– А я ведь всю душу в нее вложил, понимаешь? Всю душу! Я ее воспитал, понимаешь! Хотя, что ты понимаешь... Я из нее леди сделал, а она меня на улицу! Это тебе не какашки спиногрызам вытирать, понял? Это семья! Это эмоции! Это темперамент и отношения! Ты знаешь, как не просто строить отношения? Хотя откуда ты знаешь?..

Я молча слушал поток этого бессвязного бреда. Мама и Таня смотрели на меня. Даже малышка притихла, прислушиваясь к громкому крику, раздающемуся из динамика. А Роман, чуть успокоившись, как ни в чем не бывало, спросил:

– В общем, Друг, можно сегодня у тебя переночевать? А то идти больше и некуда. Выгнала она меня. А ты же – дружище мой...

Я посмотрел на Таню и на маму. Они явно слышали все, что говорил Роман и поэтому лица их были напряжены в ожидании моего ответа. Я глубоко вдохнул и выдохнул, заранее представляя, что мне предстоит выслушать, но ответить по-другому я просто не мог.

– Нет, Роман, – твердо сказал я, – У меня ребенок маленький. Мы живем у мамы, да и время уже позднее, так что, извини, но я при всем желании помочь тебе не могу.

– Вот так, да? – строго произнес Роман в ответ, – Ну ладно, Дружище, пока тогда!

Не успел я ничего сказать, как в трубке раздались короткие гудки. Он сбросил вызов. Ничего себе. Мне удалось легко отделаться. Я обратил внимание на то, что мама с Таней облегченно выдохнули и продолжили заниматься своими делами. Мне было немного не по себе от того, что не приютил друга, но я оправдывал себя тем, что живу не в собственных апартаментах, да тем, что жена выгнала его из дома – целиком и полностью на совести того, кто не знает меры в принятии спиртного. Не успел я все это переварить, как во входную дверь позвонили. Мы все вновь переглянулись. Наверно, каждый из нас догадывался – кто пришел, но я уже знал это наверняка. Беззвучно выругавшись, я встал с дивана, прошел в прихожую и снял трубку домофона:

– Кто там?

– Дружище, выйди на пару минут, покурим постоим, – прозвучал на другом конце торопливый голос Романа. Говорил он очень быстро, глотая окончания слов, как будто боялся, что я повешу трубку и не услышу его.

Я вновь выругался про себя и пробормотал в ответ:

– Сейчас выйду.

Таня уже стояла возле меня, держа дочку на руках. Я посмотрел на нее и извиняющимся тоном сказал:

– Роман пришел. Я выйду на пять минут, постою с ним. Его выгнала из дома жена, вроде как...

– Хорошо, Лука, только сюда его звать не нужно. Ты сам отлично знаешь – каков он, когда выпьет! И ты не смей пить, даже если он будет упрашивать опять, а он будет. Слышишь меня? Пообещай мне!

– Тань, да хватит тебе! Конечно не буду! – с этими словами я натянул куртку, кроссовки и спустился по лестнице ко входу в подъезд.

Роман сидел на лавочке и потягивал пиво из бутылки. Он был не так пьян, как в момент нашего расставания сегодня днем, но и далеко не трезв.

– Присаживайся, – предложил он мне, подвинувшись.

Мы немного посидели молча, затем он спросил:

– Чего не закуливаешь?

– Я же бросил уже полгода назад... Когда Валя родилась, – ответил я ему.

– Ну да, ну да, – протянул он.

Сам Роман никогда не курил, но любил, когда кто-нибудь курит рядом с ним. Ему казалось, что это придает ситуации какой-то неповторимый антураж задумчивости.

Потом он, абсолютно уже без эмоций, рассказал мне о том, что жена его выгнала, что жизнь его отнюдь не сахар и все чаще хочется посидеть, выпить и излить кому-нибудь душу, а изливать ее особо и некому. Я отвечал общими фразами. Что-то типа: «Какие наши годы», «Все образуется» и т.д.

Прошло уже минут двадцать. Заметив то, как я в очередной раз нетерпеливо взглянул на часы, друг одним глотком допил остававшееся пиво, бросил бутылку за лавку и посмотрел мне прямо в глаза.

– Ну что, Дружище, вступишь меня на одну ночь? Денег на гостиницу не хватит, а домой она меня не впустит, да и не пойду я... – проговорил он.

Я хотел отказать. Умом я понимал, что вести пьяного друга в квартиру, где в одной комнате живет моя мама, которая ненавидит все, что связано с пьянством (осадок от алкоголизма отца так никуда и не ушел за двадцать пять лет, прошедшие со дня их расставания) и любезно предоставляет нам эту квартиру. В квартиру, где в другой комнате спим мы втроем: я, жена и наша кроха... Это конечно глупо. Но, глядя на него, я почему-то не смог отказать. Как-то очень сиротливо он выглядел, сидя на лавочке, трясясь от холода и пытаясь скрыть то, насколько он пьян. Как-то безнадежно смотрели его глаза на меня, будто в случае отказа с моей стороны он

может и натворить что-нибудь необратимое с собой. Наверно потому, что он был моим другом, мне было жалко его и в то же время страшно за него, я просто не смог отказать. Я еще не знал, что именно скажу Тане и маме, когда приведу его домой, но твердо ответил:

– Да, Ром, переночуешь у нас!

Он просиял. Я подумал чуть-чуть и добавил:

– Только без всяких там... Ну ты понял...

– Само-собой!

Когда мы поднимались по лестнице, Романа повело на одном из пролетов, и внутри его рюкзака раздался звон ударившихся друг об друга стеклянных бутылок. Я поморщился, но промолчал. Менять решение было поздно. Мы дошли до квартиры. Я мысленно перекрестился и открыл ключом входную дверь.

Жена, пришедшая в коридор на звук открываемого замка, хотела что-то сказать, но увидев протискивающегося в дверной проем вслед за мной Романа, помрачнела, развернулась и, ни слова не говоря, вернулась в комнату. Мама, удивившись ее поведению, вышла посмотреть, что же послужило причиной столь резкой перемены настроения снохи. Она выглянула в коридор, держа на руках засыпающую Валу и удивленно посмотрела сначала на Романа, а затем и на меня.

– Доброго Вам вечера! – сбивчиво, но громко декламировал мой друг.

– Здравствуй, Рома! – с натянутой улыбкой произнесла мама.

– Как Ваши ничего? – продолжал светскую беседу Роман.

– Хорошо, спасибо! – мать перевела взгляд на меня, – Лука, а не поздновато ли для посиделок?

– Мам, тут такая ситуация..., – замялся я, – В общем, Роме негде переночевать. Ну, сложилась такая ситуация. Можно он останется, всего на одну ночь?

Роман попытался что-то добавить, снимая одновременно ботинки, но язык его ослушался и изо рта вырвался только какой-то странный булькающий звук. Одновременно он потерял равновесие, стоя на одной ноге и чуть было не упал, лишь в последний момент успев ухватиться за стенку.

Мама смотрела на нас скептически и с явным раздражением. В конце концов, когда Рома наконец-то разулся и принялся наигранно восхищаться подростковой Валечкой, она бросила нечто вроде:

– Делайте, что хотите, – и покинула прихожую вслед за Таней.

Раздевшись и разувшись, я проводил Романа в другую комнату и попросил его оставаться там пока я не вернусь. Он кивнул, усевшись за компьютер, и потерял ко мне интерес.

Я вышел в прихожую и позвал Таню. Жена нехотя подошла ко мне.

– Малыш, это только на одну ночь. Ну, выгнала его подруга его. Ну не бросать же на улице его, Тань? Ну, пойми же ты. Он проспится и уйдет восвояси!

Супруга молчала, глядя в пол. Казалось, что она меня не слышит. Я дотронулся до ее плеча:

– Солнце мое, ты слышишь меня?

Она подняла глаза и ответила:

– Да, я слышу. Только ты обещал! Ты обещал, ты не помнишь?

– Я все помню, Дорогая! Тут форс-мажор, пойми. Я не собираюсь с ним пить, не собираюсь куда-либо ходить. Он просто поспит и все!

– Да, я просто посплю и все, – неожиданно, обняв меня сзади за плечи, проговорил Роман. Я даже не услышал, как он вышел из комнаты, – А сейчас, я прошу меня извинить, но у меня пиво ищет дырочку, – с этими словами, он, качнувшись на повороте, зашел в уборную, где долго и громко делал свои дела.

– А где нам с Валею предлагаешь спать? С ним? Перегаром его дышать? – спросила с едкой ухмылкой Татьяна.

– Тань, ну поспите ночку в маминной комнате. Ну, ничего же страшного. Одну ночь!

Таня горько усмехнулась, развернулась и, ни слова не говоря, вышла.

Пока Роман справлял свои нужды (а судя по звукам его рвало), я перенес постель жены и дочери в комнату мамы и постелил им на диване. Роману же я разобрал раскладушку, хранящуюся на балконе, и поставил рядом со своей кроватью.

Я решил больше не лезть на рожон и оставить в покое супругу. Завтра с утра, когда Роман уйдет, она сразу же пообреет. Таня у меня девочка умная, обязательно поймет, что я, ни больше не меньше, хотел помочь другу, сам же держал себя в руках и ничего лишнего себе не позволил.

Пока я размышлял над этим, из соседней комнаты начали доноситься громкие голоса. Я вскочил с кровати и в несколько прыжков оказался там. Здесь взгляду моему предстала следующая картина: Роман тянул руки к Вале, бормоча что-то про «подросткую красавицу», мама убирала девочку подальше от поддатого гостя, Таня же, как я понял, была готова пойти в рукопашную, если только он дотронется до ее чада. Во избежание драки, я немедленно вывел жаждущего общения Романа из комнаты и закрыл за нами дверь.

– Ты что творишь? – зашипел я на него.

Он, как обычно махнул рукой.

– Да что ты опять начинаешь? Нормально все! Эх, сложный ты..., – после этих слов он направился в «нашу» комнату.

Умывшись и почистив зубы, я немного успокоился. Вернувшись в спальню, я увидел, что Роман включил на «ютубе» какое-то видео, забрался с ногами на кровать, не снимая одежды и, сидя в позе лотоса, допивает очередную бутылку пива.

– Ром, может быть хватит пьянствовать? – раздраженно обратился я к другу, – Ты просил переночевать, а не притон здесь устроить!

Он посмотрел на меня обиженными глазами:

– Хорош тебе, Дружище, я совсем чуть-чуть и спать! Ну, неужели ты не понимаешь, что тяжело мне на душе? Бабонька моя так со мной поступила... Кстати, а у тебя стопки есть?

– Зачем тебе? – ответил я вопросом на вопрос.

– Да у меня тут, – он потянулся к рюкзаку и достал оттуда литровую бутылку водки, – Кое-что есть для нас, – он покопался в рюкзаке вновь и извлек оттуда двухлитровую колу. Выставив напитки на пол, он посмотрел на меня с улыбкой и заплетающимся языком добавил:

– Ну так, я повторяю свой вопрос, стопки есть в твоей обители?

Я вздохнул и ответил:

– Рома, я пить не буду, и прошу тебя последовать моему примеру. Я впустил тебя не для того, чтобы распивать, а всего лишь на ночевку.

– Впустил? Я что тебе собака, чтоб меня впускать? Хочешь, я уйду прямо сейчас? Ты говори, да не заговаривайся. Впустил, приютил! Да к черту все! – он вскочил на ноги и начал собираться.

Скандалы мне сейчас точно были не нужны, так как еще несколько минут назад я заметил, что свет в другой комнате погас. Видимо все мои родные уже улеглись. Я попытался успокоить ретивого друга, сказав ему примирительно:

– Ром, не надо никуда уходить. Просто прошу тебя не напиваться. Я здесь живу не один, ты пойми. Жена не оценит такого...

– Жена не оценит, – перебил он меня, – Вот и меня не ценит, Дружище... Не ценит... Давай за это бахнем, я тебя прошу. Бахнем, посидим, обсудим, а утром никто и не узнает. Мы же по капельке. А? Ну давай?

Изначальную мою уверенность медленно, но верно сменила закрававшаяся в душу мысль: «А почему бы и нет? По маленькой-то!». Если выпьем граммов по сто, он, я был уверен, сразу уснет без задних ног, и я сниму напряжение, в которое вверг меня весь сегодняшний день, а вечер в особенности.

– Ладно, – ответил я, – Сейчас принесу.

Роман довольно потер руки и принялся откручивать пробки на бутылках с выпивкой и газировкой.

В темноте, на цыпочках протиснувшись на кухню, я на ощупь достал из серванта две маленькие рюмочки и пару кружек для запивки. В этот момент свет в прихожей зажегся. Щуря глаза от яркого света, на меня смотрела мама.

– Лука, ты чего тут? – спросила она.

– Да, водички Роману отнесу попить перед сном, – быстро спрятав рюмки за спину, отчеканил я.

Она, с недоверием посмотрела на убранную за спину руку и сказала:

– Ну, ну... Смотри, Лука, как бы не пожалеть тебе об этом...

Не дожидаясь ответа, мама выключила свет и вернулась к себе. Я же отнес посуду в комнату, где дожидался меня Роман. Он сразу же наполнил рюмки, мы стукнулись и выпили. Запили водку колой мы «из горла», несмотря на то, что я специально принес для этого кружки. По телу начало растекаться приятное ощущение расслабленности.

– Давай еще по одной, чтобы лучше понимать друг друга, – предложил Рома.

Я почему-то сразу же согласился. Он налил. Мы выпили. Я откинулся на постели. Очень захотелось покурить сигаретку. Как назло, друг не курил, а я бросил полгода тому назад, в семье моей тоже никто никотином не баловался. Словно читая мои мысли, Роман спросил:

– Курить хочешь?

Я посмотрел на него. Друг немного расплывался в моих глазах. Я так давно не пил и меня повело с первых стопок, но, черт возьми, как же приятно это было. Я улыбнулся и ответил:

– Да! Гулять, так гулять!

– А где у тебя курят?

– Не знаю, я же не курю, – рассмеялся я, – В подъезде наверно. Там стоит пепельница.

– Пойдем? Ты покуришь, я постою с тобой.

– Так сигарет нет!

– Ну, не знаю тогда. Давай сходим и купим. У меня есть пара копеек, – предложил Роман.

Я смотрел на него. Он уже не казался мне таким пьяным, как прежде, не казался тем навязчивым истериком, который удалял мой номер, обижаясь, что я не хочу распивать с ним алкоголь. Он стал таким своим, таким родным и понимающим... И я ответил:

– Пойдем! Только налей еще по одной перед выходом.

Он с готовностью выполнил мою просьбу. Мы выпили и вышли в прихожую, чтобы тихонечко в темноте одеться и выскользнуть на улицу. Дверь квартиры была уже открыта, мой друг вышел, а я переступал порог, когда сзади на плечо мне легла чья-то рука. Я вздрогнул от неожиданности и повернулся. На меня смотрела Таня.

– Далеко вы собрались?

– Да, это, – я начал лихорадочно придумывать отговорку в своей голове, но как назло на ум ничего не приходило. Наконец я пробормотал, – Покуришь в подъезд. А потом сразу спать! Обещаю тебе!

Супруга осмотрела меня с головы до ног. Она ничего не ответила, но взгляд ее был настолько тяжелым и в то же время печальным, что мне стало не по себе. Я попытался взять ее за руку, но она отдернула ладонь и молча ушла в комнату мамы, закрыв за собою дверь. Я долго стоял и смотрел ей вслед...

– Лука, ты идешь? – крикнул снизу спустившийся на первый этаж Роман.

Я вострепнулся, закрыл замок и побежал по ступенькам.

Мы купили сигареты в ночном магазине. Я закурил, как только мы очутились на улице, жадно втягивая едкий дым своими легкими. Роман же сказал, что забыл кое-что приобрести и вернулся. Я наслаждался вдыхаемым ядом, стоя на морозном воздухе и наблюдал через стеклянные стены магазина, как мой друг покупает еще одну бутылку водки. Видимо, про запас. «Какой молодец, – думал я, – Не придется бегать несколько раз. Заботится о моей семье, чтоб не разбудить, упаси Господи, кого-нибудь. Вот это друг!». За этими мыслями меня застал Роман. Мы пошли в сторону дома. По пути я выкурил еще одну сигарету, а затем еще одну в подъезде, прежде, чем открыть дверь квартиры. Когда мы разувались, Романа снова повело в сторону, и он опрокинул стойку для обуви. С нее с грохотом попадали на пол ложки для туфель, и сами туфли с сапогами вслед за ними. Мы, с замиранием сердца, ждали – что же будет дальше. Но, вопреки нашим ожиданиям никто в коридор не вышел. Лишь, малышка всхлипнула в ночи и снова уснула. Мы же торопливо закрыли за собой дверь «нашей» комнаты и налили по новой. Мы выпили, запили, поговорили, затем снова выпили, запили и поговорили. Промежутки на разговоры между последующими рюмками неизменно сокращались. Практически после каждой порции спиртного, мы (как нам казалось тихонько) ходили в подъезд курить. Наступая в прихожей на разбросанные лопатки и башмаки, мы уже не замечали, что они издают какие-либо звуки. Мы, то ли не слышали их, то ли нам было просто наплевать. Мы обсудили все, что приходило в голову: и оппозиционеров, и коррупционеров, не забыли даже о «поехавшем» Кустурице, который почему-то начал не слабо «топить» за тоталитарных вождей. Мы поплакали друг другу о проблемах на работе, предшествующих потере этих самых работ. Мы поговорили о наших близких, сошлись во мнениях, что мы всех их безгранично любим. И, конечно же, за каждую из этих и еще много каких тем мы выпили. За особо любимые и интересные мы выпили не один раз, а уж «за дружбу» мы подняли бокалы не дважды и даже не трижды. Мы смотрели какие-то видео в интернете, концерты. Мы по очереди говорили друг другу сделать потише, и по очереди же соглашались с тем, что и так уже достаточно тихо. Мы звонили нашим сонным знакомым, кричали в трубку, чтобы они приезжали, но никто не хотел с нами разговаривать, и мы крыли их матом. Наконец, нам надоело ходить в подъезд, и я стал курить в окно. Правда, после третьей выкуренной сигареты я заметил, что оно не только закрыто, но и заклеено в зиму. Нам было весело и легко! Мы пили, пили и пили... Потом я спал, потев во сне. Мне ничего не снилось, а под утро я в полудреме слышал, как кто-то ходит в коридоре, я слышал, как у Романа зазвонил телефон и он, ответив: «Да, Любимая, сейчас же буду!» – быстро собрался и убежал. Я не понимал сон это или явь. Голова дико болела, а тело ныло. Наконец, я нашел в себе силы открыть глаза. Часы, висевшие на стене, показывали полдень. В квартире было тихо. Это насторожило меня. Я медленно встал с кровати и осмотрелся. Весь линолеум был залит чем-то липким, на полу валялись пустые бутылки, а из горшков с цветами, стоявших на подоконнике, торчали окурки. Воздух был спертый и прокуренным. Я открыл дверь и прошел в соседнюю комнату. Там никого не было, да и вещей, как мне показалось, тоже поубавилось. На сердце было не спокойно. Я прошел в кухню и увидел маму, сидящую на стуле и смотревшую какое-то очередное ток-шоу. Я молча смотрел на нее, не решаясь ничего спросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.